

Щербакова Т. А.

ЭКЗЕМПЛЯР «ЕВАНГЕЛИЯ УЧИТЕЛЬНОГО» КИРИЛЛА ТРАНКВИЛЛИОНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

С давних пор на Руси были распространены систематические сборники проповедей на воскресные и праздничные дни всего года. Таковыми являлись «Златоуст» и «Торжественник». Соединенные вместе, они представляли для русского читателя и проповедника богатое собрание поучений, приспособленных ко всем выдающимся в церковном отношении дням года. Предмет нашего исследования Евангелие Учительное (далее ЕУ) — это систематическое собрание поучений на евангельские чтения, положенных на различные недели и праздники. Древнейшее на славянском языке ЕУ было составлено в 898 г. Константином, епископом болгарским, учеником святого Мефодия. На Руси этот сборник не получил большого распространения. Более известным был другое собрание евангельских поучений, переведенное с греческого языка на церковнославянский и дошедшее до нас во множестве списков, древнейшие из которых восходят к XV в. С 1569 г. стали появляться и печатные издания ЕУ. Обыкновенно в списках этот сборник носит следующее заглавие «Поученіа, избранна от святого Евангеліа и от многих божественных писаній, глаголема от архіереа из уст въ всякую неделю на поученіе христоименитым людем, или прочитаема такожде и на господскыа праздники». В печатных изданиях наряду с этим заглавием приводится и термин «Евангелие учительное». Вопрос о дате перевода ЕУ на «рускыа книги» до сих пор считается спорным [1]. Также не определено и авторство рассматриваемого византийского сборника. В научной литературе традиционно он известен как «Евангелие учительное» Каллиста Ксанфопула, предшественника константинопольского патриарха Филофея [2]. Именно этот сборник оказал большое влияние на русскую, но главным образом украинскую проповедническую литературу. По типу книги Каллиста было составлено и ЕУ Кирилла Транквилиона-Ставровецкого — предмет нашего исследования.

В фонде редких и ценных изданий ДВГНБ хранится кириллическая книга, по первому взгляду на которую можно сделать вывод, что она прошла через руки многих читателей. Когда-то роскошный бархатный переплет вытерт, верхняя деревянная крышка расколота. Каждый лист тщательно восстановлен, в тексте многочисленные пометки. Книга прожила долгую и непростую жизнь, поменяла многих владельцев. Одно оставалось неизменным — интерес и бережное отношение к изданию. Эта книга — Евангелие Учительное. Создан этот книжный памятник известным духовным писателем и проповедником XVII в.

Кириллом Транквиллионом-Ставровецким. Личность известного украинского богослова и его труды постоянно привлекали внимание исследователей. В биографии Транквиллиона традиционно выделяют три периода:

1. Период преподавания в Львовской братской школе, закончившийся переходом его в Вильно (1589–1592).

2. Период проповеднической деятельности и издание первых сочинений — Зерцало Богословия и Евангелие Учительное (1614–1625).

3. Период униястства и архимандрии в черниговском Елецком монастыре (1626–1646).

Другие периоды жизни Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого (по прозвищу Безбородый) покрыты мраком неизвестности. По национальности он был, по-видимому, украинец. Об этом свидетельствует мощная украинская струя в языке его сочинений. Образование, скорее всего, он получил в католическом Львовском училище, хотя единого мнения у исследователей нет. Когда и в каком монастыре Транквиллион принял монашество также неизвестно. Относительно достоверные сведения начинаются лишь с периода преподавания им славянского и греческого языков в Львовской братской школе. По своему характеру это учебное заведение относилось к греко-славяно-латинскому типу. Среди дидаскалов Львовской школы в начальный период ее существования были виднейшие представители современной науки и просвещения: Стефан Зизаний, один из первых украинских богословов, проповедник и неустрашимый борец против унии и католицизма; Лаврентий Зизаний, автор славянской грамматики 1596 г. и известного Катехизиса. В 1589 г. во Львовской школе делается известным дидаскал Кирилл, представленный в документах того времени как муж «ученный в науце писма и языка еллинскаго и словенска». В 1591 г. Кирилла отправляют в Виленское братство для улучшения качества преподавания. После этого в течение 22 лет никаких документальных упоминаний о судьбе Транквиллиона нет. Первое печатное произведение Транквиллиона — Псалтырь — было издано в типографии Львовского братства в 1615 г. Текст ее был каноническим. В 1618 г. появляется первая авторская работа Транквиллиона — Зерцало Богословия (далее ЗБ). Это изложение своеобразной догматической системы, раскрывающее только некоторые вопросы о вере. Но уже здесь автор не столько излагает основы вероучения, сколько выступает как проповедник и толкователь различных мест Библии. Талант Транквиллиона-проповедника наиболее полно раскрылся в другом труде, появившемся в конце 1619 г. в Рохманове, имении княгини Ирины Вишневецкой, под названием «Эвангелиэ учителное, албо казаня на неделя през рок и на празники господскіє и нарочитым святым угодникам божим». Композиционно ЕУ было составлено по типу книги Каллиста, а по содержанию

представляло собой собрание тех поучений, которые автору приходилось произносить в воскресные и другие праздничные дни. Как и ЕУ Каллиста, сборник Транквиллиона разделяется на две части: в первой помещены 69 поучений на воскресные и другие дни целого года и на подвижные праздники, во второй части 36 поучений на неподвижные праздники, памяти святых и некоторые связанные с этими днями недели, начиная с первого сентября и заканчивая двадцать девятым августа. К этим 36 поучениям присоединяются еще 4 проповеди на различные случаи (на освящение новосозданной церкви, на пострижение в монахи и т. п.). Таким образом, число всех поучений составляет 109, а не 110, как указано в оглавлении.

К составлению этого сборника Транквиллион приступил еще около 1614 г., побуждаемый, по его словам, некоторыми сановными и знатными людьми. В типографском отношении новая книга Транквиллиона во многом была сходна с ЗБ: в ней тот же шрифт, те же инициалы в начале и головки в конце отдельных глав. На основе этих наблюдений еще в XIX в. П. М. Строев высказал предположение, что оба издания — и ЕУ, и ЗБ — увидели свет в одной типографии, а именно подвижной типографии, которая принадлежала автору. ЗБ было напечатано в Почаевском монастыре, а для печатания ЕУ Транквиллион нашел приют у княгини Вишневецкой в Рохманове. Доказательством этой догадки служат следующие факты: кроме ЗБ из Почаевской монастырской типографии до первой четверти XVIII в. не вышло ни одной книги. Точно также неизвестно других книг Рохмановской типографии. Кроме того, в самом ЕУ есть прямое указание на передвижную типографию автора. В «Предмове до читательника» он пишет: «...друкарню в убозей кущи странства моего поставих и зачатое дело коштом и накладом моим с помощью Божию съверших...». В нашем экземпляре отсутствует предисловие автора, где он указывает не только место издания своего труда, но и условия, в которых создавалась эта книга. А условия эти были непростыми. Сам «диавол», пишет Транквиллион, через «некоторых малоумных, завистливых и неблагодарных людей воздвиг лютую вражду, наострив язык тех хулением на святое». Из-за этой книги, по словам автора, враги помышляли даже убить его. Немалое мужество нужно было иметь и княгине Вишневецкой, покровительствующей изданию, чтобы устоять перед некоторыми знаменитыми людьми, стремившимися «свет правды тмою закрыти и жрудло живой воды гноем словес своих закидати». В чем же причина такого ожесточения современников Транквиллиона против издания этой книги? Дело в том, что проповедь в то время была новшеством в украинской церкви. Это возбуждало подозрения, тем более, что у «еретиков» — католиков и протестантов — проповедничество широко практиковалось. Эти общие причины могли осложняться и личными счетами. Кроме того, пропо-

веди Транквиллиона были уже известны в устном варианте и вызывали, мягко говоря, неудовольствие. Собор у киевского митрополита Иова Борецкого, включавший и трех южнорусских епископов, еще до печатания книги осудил ее как еретическую, «с древними богословами, со святыми отцами несогласную», и потребовал, чтобы автор отдал ее на рассмотрение духовных лиц и только после их одобрения издал в свет. Транквиллион не согласился с этим указанием, и собор постановил под угрозой проклятия «тех книг новаго слогу Кирилова Учителнаго Евангелиа никому ... в церквах и в домех не держат, ни чести, ни покупать...». После напечатания отрицательное отношение к книге еще более усилилось. По-видимому, под влиянием решения киевского собора в Москве духовная и светская власть встретила сочинение Транквиллиона еще более сурово. Новыми рецензентами, назначенными патриархом Филаретом, стали игумен Никитского монастыря Афанасий, богоявленский игумен Илья и соборный ключарь священник Иоанн Шевель (Наседка) [3]. Они отнесли к сочинению Транквиллиона крайне подозрительно и на каждом шагу старались отыскать в нем «ереси» и «погрешения». Прежде всего их поразило очень высокое мнение автора о своем произведении, выраженное в предисловии: Кирилл называет свое дело святым и честным, а Евангелие — светом правды, источником живой воды, светильником разумного света, благовонным цветком и т. д. Авторитетная комиссия усмотрела, что этот «глагол фарисейских ради сил непотребен есть». Далее «Свиток укоризненный» имел еще более своеобразный характер: нигде не затрагивалась сущность воззрений Транквиллиона, но в вину ему ставились любые второстепенные отступления от традиционного текста Священного писания, каждое неясное выражение, неосторожное слово, даже опечатки. Все это квалифицировалось как ересь. Кирилла называют окаянный, лживый, суеумный, всескверный и т. п. Вся рецензия переполнена бранью и насмешками и носит тенденциозный характер. Этот фактически обвинительный акт имел очень печальные последствия: в конце 1627 г. в особых грамотах царя Михаила Федоровича и митрополита Филарета, разосланных к воеводам, предписывалось все сочинения Кирилла Транквиллиона (не только ЕУ) «собрати и на пожарех сжечь, чтобы та ересь и смута в мире не была». В самой Москве 4 декабря 1627 г. сожгли на костре 60 экземпляров ЕУ [4]. Буквально через два месяца после этого, 2 февраля 1628 г., на Печатном дворе было начато печатание первого московского ЕУ (закончено 4 мая 1629 г.) [5]. В не столь давние советские времена отрицательное отношение современников к сочинению Транквиллиона некоторые исследователи объясняли тем, что автор «пытался исправить мир» своим словом, «обличением богатых и власть имущих» [6]. Транквиллион действительно неоднократно обличает роскошь и разгульную жизнь высших классов общества, дорогие

наряды богатых женщин и наряду с этим рисует приниженность и угнетение простонародья. Но к реализму этих картин нужно относиться с большой осторожностью. С. И. Маслов доказывает, что большинство этих описаний заимствовано из святоотеческих сочинений. Обличая и наставляя своих слушателей, автор не старался на них действовать изображением бытовых подробностей того времени, а предпочитал те картины, которые находил в своих византийских источниках или же вел рассуждения на общие моральные темы [2, с. 116–117]. Намного требовательнее Транквиллион относится к церковным делам, грехам священников и паствы. Он выступает против невежества и пьянства священников, называет их «вожды слепыи, неукове, пьяници, сребролюбцы...». Защищает Транквиллион и свое право на устную проповедь, аргументируя это тем, что Христос, апостолы и богословы учили людей устно. Обличая грехи паствы, Транквиллион не раз обращается к тем, кто обладает крупными достоинствами и убеждает их содействовать образованию, строить типографии и хорошие церкви, печатать книги. В этой защите науки и просвещения Транквиллион предстает как один из передовых представителей украинской интеллигенции начала XVII в.

Проповедь Транквиллиона в большинстве случаев представляет собой истолкование определенного отрывка Священного писания, то есть принадлежит к типу церковных поучений, которые издавна носят название экзегетической гомилии. Истолкование текста ведется обыкновенно в духе нравоучительном и нравообличительном с привлечением догматико-полемического, торжественного, повествовательно-исторического и эсхатологического элементов. Транквиллион выступает истинным мастером проповеди. Нередко он использует драматизацию изложения, образность стиля, обилие примеров и сравнений, картинность описаний. Но в целом для его поучений характерна простота в духе старых проповедей (ЕУ Каллиста, Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и от Иоанна, Поучений Кирилла Туровского и др.), без особых риторических ухищрений.

Интересна издательская судьба ЕУ. Всего в XVII в. известно четыре издания: два из них 1619 г. рохмановские, одно 1696 г. уневское и в 1697 г. книга увидела свет в Могилеве. Наиболее сложно разобраться в различных экземплярах ЕУ 1619 г. С. И. Маслов детально проанализировал различия между этими изданиями. Наш экземпляр относится к более раннему варианту А: прописные буквы постоянно, как в старых рукописях, опускаются под строку, другой шрифт и орнамент, различается написание некоторых слов, не исправлены опечатки. Это позволяет сделать вывод, что второй вариант (В) является перепечаткой варианта А и, возможно, вышел из другой типографии [2, с. 25].

Сочинения Транквиллиона пользовались особой популярностью в среде русских старообрядцев. Напуганные церковными нововведени-

ями Никона и бурным темпом реформ Петра, старообрядцы решили, что на русской земле воцарился Антихрист. В чем же «ревнители древнего благочестия» могли найти опору, которая обеспечила бы их фанатическую стойкость в вопросах веры? Они стали искать подтверждения своей правоты в дониконовских изданиях. Обращение старообрядцев к старопечатным книгам кроме того было связано, как справедливо отмечает Р. Крамми, с поисками «своего места в универсальной схеме христианской истории» [7]. Н. Н. Покровский, исследуя процесс складывания системы авторитетов старообрядчества, пишет, что одним из таких авторитетов стали древние книги. Но отношение к старопечатным источникам было неоднозначным: с одной стороны «за единый аз» древнего текста старообрядцы могли пойти на смерть, а с другой сама логика развития раскола и его идеология приводили к сомнениям, в том числе и в незыблемости авторитета старых текстов [8]. Особенно это касается изданий, появившихся в западных землях. К ним относились достаточно критически, справедливо полагая, что «европеизированное украинское влияние» не способствует «крепости веры». Но, тем не менее, во многих старообрядческих библиотеках имелись киевские издания, в рукописные сборники включались отрывки из различных книг учительного и толкового характера, изданных в западных районах. Так, в уже упоминавшейся статье Н. Н. Покровского приводится список библиотеки Родиона Набатова, грамотного наставника, «одного из самых ярких и интересных деятелей урало-сибирского старообрядчества... беглого крепостного крестьянина Троице-Сергиева монастыря, рудознатца, строителя и приказчика нескольких уральских заводов, управлявшего одно время и алтайскими заводами А. Демидова» [8, с. 26–27]. Роспись составлена собственноручно владельцем библиотеки в 1745 г. Состав библиотеки подробно описан Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевым [9]. Среди книг толкового и учительного характера два киевских издания сочинений Иоанна Златоуста: Беседы на деяния апостольские (1624) и на 14 посланий апостола Павла (1623). Среди «светских», как их называет Н. Н. Покровский, книг «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная...» (Киев, 1712), изданная в типографии Киево-Печерской лавры и доказывавшая преимущества академического (школьного) образования, два сочинения черниговского архиепископа, а затем сибирского митрополита Иоанна Максимовича «Илиотропион» (Чернигов, 1714) и «Царский путь креста господня» (Чернигов, 1709). Эти книги, по мнению авторов, «помогали в становлении культурной системы старообрядчества в целом» [9].

В этом же контексте может быть рассмотрено и ЕУ Кирилла Транквилиона-Ставровецкого. Ведь наш экземпляр ЕУ также долгое время хранился в старообрядческой среде. Об этом свидетельствуют многочисленные владельческие записи. На второй странице форзаца самая

ранняя из них, датированная 1882 г., говорит о принадлежности книги Федоту Копытову, «Австрийской белокрыницкой часовни прихожанину деревни Савиной Курганск. Уезда». Орфография записи, употребление наряду с кириллическими буквами латиницы говорит о происхождении владельца из южных областей. Действительно, среди старообрядцев, проживавших на юге Западной Сибири, выделяли группу так называемых «поляков», переселенных от западных границ России. На третьей странице форзаца более поздняя и подробная запись красным карандашом. Приведем ее полностью: «Куплена в Селе Савиной во Церковном Доме Савинского Единоверческого священника вдовы Федота Копытова (Умер в октябре 1912 г.) Васил. Димитр. Копытовой 26-го Апреля 1913 года за цену 16 руб. Священник Михайла Смирнов». Тридцать лет хранилась книга у Федота Копытова. Был он, по-видимому, достаточно грамотным и начитанным. Но, вернее сказать, книга была в активном обращении, так как многочисленные пометы в тексте, записи имен и фамилий читателей (кстати, тоже сибиряков) позволяют предположить, что книга была в общинной библиотеке. Ведь для старообрядцев, как отмечали Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев, функционирование книги было важнее, чем хранение ее «при себе» [10]. О бытовании книги в старообрядческой среде говорит и изображение на ее полях характерного старообрядческого креста (лл. 143 об., 146). В этой же части книги выделены строки о втором пришествии Христа и обличении Антихриста. Близким читателям ЕУ оказалось и отношение Транквиллиона к устной проповеди. Рядом со словами автора «устное проповедание слова Божия укаряют, и за еретическое дело вменяют...» неизвестный читатель написал карандашом с использованием старой орфографии: «Кто они!... Это те, кто веруя во Христа, не веруют Христу...» (л. 3).

Книга Транквиллиона помогала старообрядцам в сохранении не просто их самобытности, но и в создании собственного мира, приближенного к «миру божественных сущностей», служила подспорьем в идеологических спорах с официальной церковью. По-видимому, привлекали их яркая эмоциональность, острая публицистичность произведения. Так или иначе, но одно бесспорно: этой книгой в старообрядческой среде необычайно дорожили и неоднократно к ней обращались. Так относиться к книге могли только не просто грамотные, но и обладающие высокой культурой чтения люди. Такими и были старообрядцы, владевшие этой книгой. Благодаря им сохранился этот удивительный памятник кириллической книжности — Евангелие Учительное Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого.

Список литературы

1. Якшин, И. В. К истории перевода Евангелия Учительного / И. В. Якшин // Материалы XXXVIII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. — Новосибирск, 2000. — С. 99–100.
2. Подробно см.: Маслов, С. И. Кирилл Транквилион Ставровецкий и его литературная деятельность: Опыт ист.-лит. моногр / С. И. Маслов. — Киев, 1984. — С. 82–86.
3. Опарина, Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии / Т. А. Опарина. — Новосибирск, 1998. — С. 167–173.
4. Дворцовые разряды. — Санкт-Петербург, 1851. — Т. 2. — С. 821–822.
5. Якшин, И. В. К истории московских печатных изданий «Евангелия Учительного» XVII в. / И. В. Якшин // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающ. ученого, педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ М. И. Рижского. — Новосибирск, 2002. — С. 255–257.
6. Анушкин, А. Спасенная от огня / А. Анушкин // Анушкин, А. Тайны старопечатной книги. — Симферополь, 1972. — С. 105–109.
7. Крамми, Р. Историческая схема выгорецких большаков / Р. Крамми // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. — Новосибирск, 1992. — С. 92.
8. Покровский, Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества / Н. Н. Покровский // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1978. — Вып. 14: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. — С. 29.
9. Дергачева-Скоп, Е. И. Репертуар традиционного чтения старообрядческих согласий Сибири. Этюды нравственной философии Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce ich miejsce i tradicje we współczesnym świecie. — Warszawa, 1994.
10. Дергачева-Скоп, Е. И. Старобрядческие библиотеки в Сибири: (Проблемы реконструкции) / Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1992. — С. 125–130.